

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

И.А. ШМЕРЛИНА

О ЦЕННОСТНОМ ОТНОШЕНИИ К АБСТРАКТНЫМ КАТЕГОРИЯМ

Быченков В.М. **ИНСТИТУТЫ: СВЕРХОККОЛЛЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
И БЕЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ.
М.: РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 1996. – 976 с.**

DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3070

Книга В.М. Быченкова нередко упоминается в научных публикациях и программах учебных курсов, однако нигде мы не встретили попытки обсудить ее содержание. Между тем, данная работа посвящена анализу ключевого концепта социологической мысли «социальный институт» и представляет собой фундированную, добросовестную и весьма упорную попытку уловить тайну этого социального феномена. Ракурс анализа задан проблематикой социальных тотальностей, которая рассматривается автором в историко-научном и социально-философском аспектах, с привлечением разнообразных и разноплановых научных концепций и философско-мировоззренческих систем.

Работа Быченкова интересна также присущим ей способом и стилем теоретизирования. Она выстроена на характерных для социологии дилеммах – между научной закономерностью и ценностным суждением, между бездушным схематизмом понятийных абстракций и живой, трепещущей социальной плотью, между стремлением укрепиться на позиции номотетической науки и мелиористским, инженерным, гуманистически нагруженным подходом к анализу социальных процессов. Названные дилеммы пронизывают историю социологической мысли и задают познавательный коридор ее становления и развития, и рассматриваемая работа в этом отношении весьма показательна.

Шмерлина Ирина Анатольевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@ya.ru

Для работ, подобных труду Быченкова, логично выбирать в качестве точки отсчета проблему корреспонденции двух уровней социальной реальности и «перехода от одного ...уровня (индивиды) к другому (социальные структуры, тотальности)» (с. 69). Постановка проблемы уже содержит в себе определенную долю философского реализма. Впрочем, Быченков здесь не очень последователен. С одной стороны, само название его огромного, на 975 страницах, труда заставляет предположить, что он посвящен не фантому, а некоторому специфическому виду социальной реальности. С другой — подобный теоретический выбор требует дальнейших шагов, связанных с обоснованием природы того, *что* существует. Пытаясь удержать баланс в непростой дилемме социологического реализма / номинализма, Быченков использует два хорошо отработанных приема. Во-первых, он акцентирует методологический характер данной дилеммы, что принципиально отличает ее от онтологически сориентированного средневекового схоластического спора: в социологии, подчеркивает автор, речь идет не о «действительном, самостоятельном существовании абстрактно всеобщих категорий (универсалий)», а о поиске «объяснительного принципа в отношениях индивидуального и сверхиндивидуального» (с. 64).

Вторая хорошо выверенная опора, которая помогает удержаться в рамках концепции сверхколлективных тотальностей, — это конструктивизм, позволяющий говорить об их *как-бы-существовании*. Решающим аргументом для признания «реальности сверхколлективных образований» является вера людей в их существование (с. 106).

Рассуждая о природе таких тотальностей, как социальные институты, Быченков подчеркивает, что последние нельзя понимать как совокупность частей (будь то, добавим, индивиды, статусы, позиции, нормы, практики, паттерны или что-либо иное). Приводя цитату из древнеримского юриста Альфена (I в. до н. э.), где тот рассуждает, сохраняется ли в судопроизводстве при замене отдельных судей «дело тем же или создает другое судебное разбирательство», остается ли тем же самым легион, если «многие из его состава умерли и на их место вступили другие», или корабль, «который до того часто ремонтировался, так что в нем нет ни одной доски, которая не была бы новой» (с. 89), Быченков замечает, что неправильно рассматривать в одном ряду примеров суд, легион и корабль. Первые, в отличие от последнего, суть институты, которые не могут быть сведены к совокупности своих частей, и в таком случае возникает вопрос, что же такое легион без солдат или суд, который «может существовать и в том случае, если он не представлен вообще ни одним судьей» (с. 90)?

Ответ Быченкова на этот вопрос переводит проблему институтов из плоскости методологической состыковки двух уровней реальности

(индивидов и социальных структур) в онтологическую плоскость. Он делает очень важное различие, которое в нашем представлении является правильной стартовой позицией в понимании природы социальных институтов. Существуют, пишет Быченков, «два рода социальных образований. Одни из них эмпиричны» и непосредственно связаны со своими членами (например семья): «...если исчезнет ... последний ее представитель, исчезнет и семья» (с. 90–91). Совсем иначе ведут себя социальные образования, названные Быченковым «сверхэмпиричными». Они

«...независимы от индивидов, безразличны к изменениям в составе представляющих их (именно представляющих, олицетворяющих, а не составляющих их!) и вообще к этому составу и сохраняются отнюдь не вследствие преемственности индивидов, а как бы сами по себе. Это не коллектив, не группа, не совокупность индивидов, а нечто иное; не эмпирическое, а сверхэмпирическое, что и делает его инвариантным по отношению к изменениям в сфере эмпирического» (с. 90–91).

На языке близком социологии следует говорить о межличностных (контактных) группах (таких, как семья, дружеский союз, производственный коллектив и т. п.) и надличностных социальных группах (иначе – социальных институтах). Эти два вида социальных образований принципиально отличны по своей природе (в этой связи Быченков вполне уместно вспоминает известный тезис Роя Бхаскара о существовании онтологического разрыва между обществом и людьми [2, с. 229]). Развивая идею особой надличностной онтологии социального института, Быченков предлагает аналогию между телом (эмпирическим социальным образованием, состоящим из частей) и духом, свободным «от этого момента “составленности”» и представляющим собой «скорее некое чистое единство». Именно с этой «чистой бестелесностью» и следует, как полагает автор, соотносить представление об институте (с. 250).

Истинной целью анализируемого труда является, однако, не социальный институт как таковой, а исторический феномен советского тоталитаризма. Интерес к данной тематике вполне оправдан для начала 1990-х, в которые, по всей видимости, и создавалась эта книга, но не столь очевиден сегодня. Между тем, обсуждаемая работа интересна для нас не столько анализом особого типа политической культуры, каковым является тоталитаризм, сколько теоретическим аппаратом, который использован, а также *может быть использован* для анализа социальных институтов.

Речь идет прежде всего о категории институционального отчуждения. Именно она, по мнению Быченкова, раскрывает тайну тоталитаризма. Последний, в трактовке автора, есть такой тип общества, в котором

«...формируется феномен безличной субъектности, когда субъектами ...социальных отношений и действий начинают выступать не люди, не коллективы, а безличные социальные образования — институты, люди же оказываются всего-навсего в роли их представителей, действующих от имени и во имя этих абстрактных сущностей...» (с. 335).

Быченков, безусловно, осознает, что становление институтов, институциональность как таковая сама по себе есть отчуждение. Однако для него важно подчеркнуть, что помимо «нормального отчуждения» существует и «ненормальное», гипертрофированное, искажающее гармоничные отношения между личностью и обществом. Он противопоставляет «институциональность [термин автора. — *И.Ш.*] как частное и вполне нормальное с точки зрения логики общественного развития явление» институциональности, выступающей как «безличная субъектность», «как первичное и всеобщее, тотальное социальное явление, охватывающее всю совокупность форм жизни и общественных отношений» (с. 335). Именно такая институциональная ситуация сложилась, по его мнению, в советском обществе.

«Вопрос здесь не столько в содержании безличной субъектности — социальная роль институтов как субъектов политических, правовых, хозяйственных и т. п. отношений проявляется в любом современном обществе, — сколько в масштабах, степени ее распространенности в том или ином обществе, в удельном весе, которым она располагает... в общем объеме социальной субъектности, где наряду с ней представлены также личная и коллективная, или, если употреблять обобщающий термин, — персональная, субъектность» (с. 400—401).

Как можно понять из приведенной выше цитаты, проблема институционального отчуждения при тоталитарных и административно-командных системах состоит в «количестве» институционального контроля. Как любой количественный критерий, этот довод выглядит не очень убедительным.

Быченков рассматривает тоталитаризм (а именно — советский тоталитаризм) в качестве предельного случая институционального отчуждения, и это вызывает возражения как в методологическом, так и содержательном плане.

Первый вопрос носит методологический характер: допустимо ли ценностное отношение к абстрактным категориям? Вполне вероятно, что да, — если речь идет не о таких абстракциях, как геометрическая точка или иррациональное число, а например, «справедливость», «гуманизм» и т. п. Однако вопрос, допустимо ли аксиологическое воззрение на научную абстракцию в пределах научного дискурса, влечет за собой скорее отрицательный ответ.

Между тем, категория «отчуждение» получила в социально-научной литературе статус не столько научной абстракции, сколько ценностного понятия, что хорошо отражает семантика данного слова. Согласно одному из классических определений, к которому прибегает в своей работе Быченков, отчуждение есть

«философско-социологическая категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект общественного процесса... Отчуждение связано с овеществлением, фетишизацией общественных связей, с опосредованием отношений между людьми институционально-“вещными” организациями» [9, с. 189].

Подобная трактовка отчуждения представляет собой развитие постмарксовской (от Зиммеля до Франкфуртской школы) ценностно перегруженной традиции анализа данного феномена. В этом процессе тотального отчуждения человека от созданного им мира институтам принадлежит особая роль. Они, собственно, и воплощают социальное отчуждение, замещая человека в системе социальных связей, «отодвигая» его от живого, непосредственного участия в общественной жизни.

Если следовать этой логике анализа, отчуждение – это то, что в историко-цивилизационном плане подлежит преодолению, а вместе с ним, по-видимому, должны быть преодолены и институты. Именно подобный «гемайншафтный» идеал, в котором преодолено институциональное отчуждение, а место обезличенных институтов занимают живые, непосредственные формы человеческого общения, мыслится Быченков как модель «истинной» социальности, к которой может и должно стремиться человеческое общество. Автор, разумеется, не заходит так далеко, чтобы прямо сформулировать задачу «преодоления институтов», однако это легко вычитывается из его текста:

«...феномен социальности рассматривается как идеал грядущего общественного устройства, в котором преодолевается свойственная всей предшествующей истории человечества и его теперешнему состоянию разобщенность людей, их отчужденность друг от друга, индивидуалистическая замкнутость и взаимная враждебность (вражда). ...Это ...понимание социальности тесно связывают с идеей социализма...» (с. 360).

Существует, однако, и иная традиция в понимании феномена отчуждения, берущая начало в работах Гегеля и Маркса. Данная традиция заставляет видеть в отчуждении прежде всего опредмечивание человеческой деятельности, что является важнейшим моментом исторического процесса.

«Отчуждение выглядит как закономерный скачок в развитии общества. Причем, чем более высока ступень его, тем более разнообразны формы отчуждения. Напротив, когда способ производства неразвит и уровень общества достаточно низок, отчуждение, в общем, отсутствует. <...> В ходе исторического развития идет возрастание относительной самостоятельности, отчужденности различных социальных процессов и благодаря этому осуществляется сам этот ход» [11].

В этом ракурсе анализа становление социальных институтов, органически связанное с отчуждением, есть не столько позитивное в цивилизационном отношении, сколько объективное и неизбежное (а в этом смысле – не хорошее и не плохое) явление. Это – просто те формы, в которых развивается человеческое общество.

Помимо методологической, существует и содержательная проблема, имеющая отношение к трактовке тоталитаризма как системы, полностью отчуждающей человека от его социального мира.

Тоталитаризм – тема настолько обширная, что претендовать на сколь-нибудь полноценное ее освещение в выбранных нами жанровых рамках было бы неразумно. Остановимся лишь на двух моментах, которые, в свете длительных исследований данного феномена, кажутся сегодня очевидными и имеют прямое отношение к работе Быченкова.

Первый связан с социально-психологической подоплекой тоталитаризма, которая мало напоминает то, что принято понимать под отчуждением в психологическом смысле (особое «психическое состояние человека, ощущение им собственной несвободы и манипуляции со стороны внешних сил» [11]). Тоталитаризм держится как раз противоположным – ощущением простым человеком своего непосредственного, активного участия в социальных процессах. Именно в этом и состоит «тайна» тоталитаризма – в квазипреодолении институционального отчуждения, в установлении живых, личностных связей между человеком и институциональной системой, *воплощенной в лидере*. Именно массовая поддержка составляет опору тоталитаризма и придает до определенного исторического момента мощь этому колоссу на глиняных ногах. Как подчеркивала Х. Арендт, «тоталитарные режимы, пока они у власти, и тоталитарные вожди, пока они живы, “пользуются массовой поддержкой” до самого конца» [1].

Второй аспект институционального отчуждения, который особо акцентируется Быченковым, связан с гиперболизацией и абсолютизацией роли государства в тоталитарных системах. Это кажется существенной и одновременно наиболее очевидной, яркой и бесспорной характеристикой тоталитаризма. Еще в 1952 году на научном симпо-

зиуме в США была выведена формула тоталитаризма, базирующаяся именно на этом признаке и ставшая классической: «Тоталитарным можно назвать закрытое общество, в котором все — от воспитания детей до выпуска продукции — контролируется из единого центра» [см.: 10].

Однако тотальность государственного контроля, вплоть до деспотического подавления личности, и отчуждение — это разные вещи. Отчуждение, подчеркнем еще раз, — это прежде всего опредмечивание, то есть превращение результатов человеческой деятельности в автономные комплексы, обладающие собственной динамикой функционирования и развития. Между тем, тоталитарные системы демонстрируют нечто прямо противоположное. Тотальный контроль несовместим с автономизацией социальных подсистем, и в этом отношении неудивительно парадоксальное сочетание в тоталитарных системах абсолютизированного единоначалия с бесформенностью, бессистемностью структуры. На последнее обстоятельство исследователи обратили внимание довольно быстро. Г. Алмонд был, по-видимому, не совсем прав, когда связал истоки этой традиции с Францем Нойманном, подчеркнувшим в своем знаменитом «Бегемоте...» (первая версия вышла в 1942 г.) странную бесформенность нацистского режима, отсутствие стабильного разделения властей между бюрократией, партией, армией, организацией большого бизнеса и сделавшим вывод, что при нацизме не было государства [12]. Х. Арендт в «Истоках тоталитаризма» ссылается не только на эту громкую работу, но и на менее известные заключения Томаса Масарика, сформулированные уже в конце 1930-х годов:

«...все исследователи согласны ... относительно сосуществования (или конфликта) двух оплотов власти: партии и государства. Многие авторы, кроме того, подчеркивали “бесформенность” тоталитарного правления... Томас Масарик рано понял, что “так называемая большевистская система никогда не была более чем полным отсутствием системы”... и совершенно верно, что “даже у эксперта помутилось бы сознание, если бы он попытался разобраться во взаимных отношениях партии и государства” в Третьем рейхе...» [1].

Сама Х. Арендт полагала, что умножение властных структур в тоталитарной системе и ее бесформенность являются сущностной характеристикой тоталитаризма, «идеальным инструментом для реализации... принципа вожизма» [1], и видела в этом важнейшее отличие тоталитарных систем от авторитарных режимов, противопоставляющих первым принцип строгой иерархичности и упорядоченности государственных структур.

Отмеченные характеристики тоталитаризма свидетельствуют скорее не о гиперболизации, а о незавершенности процесса отчуждения

и даже о деградации, откате к более примитивным¹ синкретическим модусам взаимодействия личности и общества.

Работа Быченкова высветила принципиальную проблему трактовки институтов в социологии, а именно – неразработанность категориального аппарата для анализа абстракций подобного уровня. Здесь явно не хватает промежуточных терминов, потому что об институтах можно говорить как на очень конкретном уровне, имея в виду исторические прецеденты институциональности, так и на очень абстрактном, понимая под ними онтологически непрозрачные, специфические форматы человеческого общежития. Категория «институт», призванная «обслуживать» разные регистры социальной реальности, неизбежно теряет свою понятийную определенность и превращается в концепт.

В работе Быченкова эта методологическая лакуна заполнена понятиями «сверхколлективные образования» и «безличные формы социальной субъектности». При всей расплывчатости данных понятийных конструкций, в целом очевидно, что речь идет об особом рода формах, в которых утрачены непосредственные связи между индивидами, что и порождает дискурс на тему отчуждения. Сам по себе термин отчуждение довольно точно схватывает то, что происходит с «живой социальной материей» внутри института. Однако это – «плохой» термин, поскольку уводит в сферу ценностных суждений. Можно и нужно дискутировать по поводу процессов, концептуализируемых в данном понятии, однако сам термин слишком отягощен определенным и устойчивым содержанием, чтобы использовать его как эффективный инструмент для анализа соответствующих явлений. Более корректно и плодотворно использовать с этой целью понятие *превращенная форма*. Любопытно заметить, что и Быченков, и известный российский философ А.П. Огурцов, которого тот активно цитирует, используют данный термин, однако без упоминания его специфического содержания, фактически – как синоним отчуждения.

Категория превращенной формы не имеет прочного статуса в аппарате социальных наук. Предложенная Марксом в отечественном обществоведении она исследовалась крайне мало². В философском ракурсе ее рассматривал М. Мамардашвили [6; 7], в экономическом – М.С. Лангштейн [4; 5]. Между тем, данная категория есть, по-видимому, именно тот инструмент, который позволяет зафиксировать

¹ Согласно одному из очень точных и проницательных диагнозов тоталитаризма последний «есть способ выживания традиционных культур в современном мире» [см.: 3, с. 98].

² Библиотека диссертация Dissercat по запросу «превращенная форма» от 21 мая 2015 выдала только четыре работы социально-научной направленности.

непростой, ускользающий от непосредственного чувственного восприятия способ существования социального института. Заметим, что Мамардашвили связывал с понятием превращенной формы само развитие гуманитарного знания:

«Понятие и проблема превращенной формы являются фундаментальным элементом развития современной логики и методологии гуманитарных наук. <...> Речь в принципе должна пойти о построении онтологического пространства мысли, отличного от так называемого “декартова пространства” и могущего тем самым послужить лоном отработки или, если угодно, изобретения расширенных форм рациональной мысли и объективного знания и описания» [7].

Оставаясь в рамках аналитического обзора книги, мы не можем заниматься сколь-нибудь основательным анализом этой перспективной, но мало исследованной категории. Подчеркнем лишь, что превращенная форма возникает как продукт внутреннего взаимодействия элементов сложных систем и представляет собой, таким образом, объективный феномен, к которому не применимы ценностные подходы. Понимание превращенной формы требует специального анализа, дающего возможность реконструировать систему причинных связей, в которой переработано исходное содержание. В представлении автора настоящего обзора, те видимые на социальной поверхности связи и отношения, которые составляют проблематику институционального, порождая непростые вопросы о природе институционального принуждения, о роли человеческой личности в функционировании институтов, о механизмах сохранения, развития и исчезновения последних, — все они *в своей реальности и необходимости* должны быть помыслены как превращенная форма. Институт относится к социальной эмпирии, как денежная форма к товарной — эта аналогия кажется нам продуктивной моделью, по крайней мере, на предварительных этапах анализа института как превращенной формы. Точно так же, как в политэкономическом превращении, в социальном институте непосредственные, видимые социальные отношения получают опосредованное выражение, и в этой опосредствующей субстанции возникают свои связи и своя динамика развития.

Важным моментом, в котором обнаруживается глубокая аналогия между институтом и превращенной формой, является присущая им мотивационная сила, способность определять цели, направленность и смысл человеческих действий:

«Именно превращенные формы действительных отношений являются содержанием мотивов, побуждений к действию непосредственных агентов общественных отношений» [7].

Для сравнения напомним симметричный тезис одного из лидеров современного институционализма Д. Норта:

«Институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [8, с. 17].

Таково пространство вопросов, новых и подзабытых теоретических сюжетов, которые порождает чтение книги Быченкова, содержащей основательную и честную попытку уловить особую, надличностную природу социального института.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма [электронный ресурс]. Дата обращения 13.05.2015. URL: <<http://libatriam.net/read/980511>>.
2. *Бхаскар Р.* Общества // Социологос. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.
3. «Круглый стол» по проблемам политической реформы в СССР // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2.
4. *Лангштейн М.С.* Иррациональные и превращенные формы экономических отношений // Экономические науки. 1969. № 3 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.05.2015. URL: <<http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/>>.
5. *Лангштейн М.С.* Превращенные формы в политической экономии: вопросы методологии // Экономика советской Украины. 1990. № 10. С. 39–46 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.05.2015. URL: <<http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/>>.
6. *Мамардашвили М.* Форма превращенная // Философская энциклопедия. В 5-и т. / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 386–389.
7. *Мамардашвили М.* Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.05.2015. URL: <<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st023.shtml>>.
8. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
9. *Огурцов А.П.* Отчуждение // Философская энциклопедия: В 5-и т. / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 189–194.
10. *Чаликова В.А.* Существует ли тоталитарное мышление? // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество, 1989. С. 79–84 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2015. URL: <<http://chalikova.ru/sushhestvuet-li-totalitarnoe-myishlenie.html>>.
11. *Шетулова Е.Д.* Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе. Автореферат дисс. ... док. филос. наук. Нижний Новгород: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», 2010 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2015.

URL: <<http://geum.ru/aref/socialno-filosofskiy-analiz-otchuzhdeniya-istoricheskom-processe-specialnost-09-00-11-socialnaya-filosofiya-avtoreferat-dissertacii-na-soiskanie-ref.htm>>.

12. *Almond G.A.* Comparative political systems // *The Journal of politics*. 1956. Vol. 18. No. 3. P. 391–409.

Дата поступления: 02.08.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2015. VOL. 21. NO. 4. P. 168–179. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3070

I.A. SHMERLINA

Institute of Sociology Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Shmerlina Irina Anatol'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Senior scientist.
Address: Krzhizhanovskogo st., 24/35, bl. 5, Moscow, 117218, Russian Federation.
Phone: +7 (499) 120-82-57. **Email:** Shmerlina@yandex.ru

ON THE VALUE ATTITUDE TO ABSTRACT CATEGORIES

[REV.] BYCHENKOV V.M. INSTITUTES: OVERCOLLECTIVE ENTITIES AND IMPERSONAL FORMS OF SOCIAL SUBJECTIVENESS. M.: THE RUSSIAN ACADEMY OF SOCIAL SCIENCES, 1996. 976 P.

REFERENCES

1. Arendt Kh. The Origins of Totalitarianism. [In Russ.: Arendt H. *Istoki totalitarizma*] [online]. Accessed 13.05.2015. URL: <<http://libatriam.net/read/980511>>. (In Russ.)
2. Bkhaskar R. Obschestva [In Russ.: Bkhaskar R. Societies. *Sotsiologos*. Moscow: Progress Publ., 1991. P. 219–240].
3. “Kruglyi stol” po problemam politicheskoi reformy v SSSR. [“The round table” on the problems of political reform in USSR.]. *Rabochii klass i sovremenniy mir*. 1990. No. 2. (In Russ.)
4. Langshtein M.S. Irratsional'nye i prevrashchennye formy ekonomicheskikh otnoshenii. [The irrational and turned forms of economic relations.] *Ekonomicheskie nauki*. 1969. No. 3 [online]. Accessed 05.05.2015. URL: <<http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/>>. (In Russ.)
5. Langshtein M.S. Prevrashchennye formy v politicheskoi ekonomii: voprosy metodologii [The turned forms in the political economy: the methodology questions.] *Ekonomika Sovetskoi Ukrainy*. 1990. No. 10. P. 39–46 [online]. Accessed 05.05.2015. URL: <<http://marklangstein.com/?/raboty/nauk/nauk-teor/>>. (In Russ.)
6. Mamardashvili M. Forma prevrashchennaya. [The turned form.] *Filosofskaya Entsiklopediya. The 5-volume*. Ed. by F.V. Konstantinov. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970. P. 386–389. (In Russ.)
7. Mamardashvili M. Prevrashchennye formy (O neobkhodimosti irratsional'nykh vyrazhenii). Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu*. [The way I understand philosophy.] Moscow: Progress Publ., 1990 [online]. Accessed 01.05.2015. URL: <<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st023.shtml>>. (In Russ.)
8. Nort D. Institutional change and economic performance. [In Russ.: Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Transl. from Eng.

- By A.N. Nesterenko; Ed. by B.Z. Mil'nera. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala" Publ., 1997. 180 p.]
9. Ogurtsov A.P. Otchuzhdenie. [Alienation.] *Filosofskaya Entsiklopediya. The 5-volume.* Ed. by F.V. Konstantinov. Vol. 4. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. P. 189–194. (In Russ.)
  10. Chalikova V.A. Sushchestvuet li totalitarnoe myshlenie? *Totalitarizm kak istoricheskii fenomen.* [The totalitarianism as the historical phenomenon.] Moscow: Filosofskoe obshchestvo Publ., 1989. P. 79–84 [online]. Accessed 15.05.2015. URL: <<http://chalikova.ru/sushhestvuet-li-totalitarnoe-myishlenie.html>>. (In Russ.)
  11. Shetulova E.D. *Sotsial'no-filosofskii analiz otchuzhdeniya v istoricheskom protsesse. Avtoreferat diss. ...dok. filos. nauk.* [The social and philosophical analysis of alienation in historical process. Author's abstract of dissertation for the doctor of philosophy degree.] Nizhnii Novgorod: GOU VPO "Nizhegorodskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. R.E. Alekseeva" Publ., 2010 [online]. Accessed 11.05.2015. URL: <<http://geum.ru/aref/socialno-filosofskiy-analiz-otchuzhdeniya-istoricheskom-processe-specialnost-09-00-11-socialnaya-filosofiya-avtoreferat-dissertacii-na-soiskanie-ref.htm>>. (In Russ.)
  12. Almond G.A. Comparative political systems. *The Journal of politics.* 1956. Vol. 18. No. 3. P. 391–409.

Received: 02.08.2015.
